

УДК 81

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В. С. МАКАНИНА И В. Е. МАКСИМОВА)**

© М. Н. Васильева, О. Н. Васильева*, Л. А. Линник

*Бакирский государственный медицинский университет
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, ул. Ленина, 3.**Тел./факс: +7 (347) 272 86 51.***Email: plomien@mail.ru*

Статья посвящена особенностям концептуальной системы современных писателей В. С. Маканина и В. Е. Максимова. Предметом исследования является специфика некоторых ключевых концептов языковой личности указанных авторов. Цель работы – установление особенностей ключевых концептов художественных текстов В. С. Маканина и В. Е. Максимова. Методологической основой данной статьи послужил антропоцентрический подход, заключающийся в том, что анализ тех или иных явлений осуществляется в непосредственной связи с человеком. В статье используются следующие исследовательские методы: контекстный анализ, описательный, метод сплошной выборки, статистический. В творчестве В. С. Маканина индивидуальные когнитивные модели, отражающие концепты и образующиеся посредством нестандартной сочетаемости языковых единиц, отчасти совпадают с общеязыковыми. Среди концептов в произведениях В. С. Маканина рассматриваются слово, которому в большинстве случаев автор приписывает человеческие действия и которое часто предстает как предмет, и душа, концептуализируемая писателем как человек. Ярким концептом для языковой личности В. Е. Максимова является концепт время, воплощающийся в моделях «время как человек», «лошадь», «цепь», «механизм и тишина». Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании вузовских курсов «лингвистика текста», «филологический анализ текста», «стилистика», «интерпретация художественного текста» и др.

Ключевые слова: *В. С. Маканин, В. Е. Максимов, концепт, когнитивные модели концептов, картина мира, языковая личность.*

В процессе контактов с окружающим миром, восприятия мира человек по-своему концептуализирует его. Эта концептуализация, некоторое представление о мире составляет *концептуальную картину мира*. В. И. Постовалова подчеркивает, что «картина мира – это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация» [15, с. 29], результатом этой интерпретации являются концепты, или понятия [16, с. 6].

Концептуальная картина мира имеет свое воплощение в языковой картине мира, однако она богаче языковой: в ее создании участвуют разные типы мышления, в числе которых и невербальные [16, с. 6].

В современной лингвистике существует лингвокультурный (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев и др.), лингвокогнитивный (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) и лингвистический (Л. О. Чернейко, В. А. Долинский) подходы к пониманию концепта. В когнитивной лингвистике концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного, а лингвокультурный подход заключается в том, что концепт признается базовой единицей культуры [5]. В. И. Карасик в своем исследовании «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» разрабатывает лингвокультурный подход, конкретизируя изучение культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента. Ученый указывает, что ценности,

определяющие поведение людей, лингвистически «могут быть описаны в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной форме». Ценностный аспект отражен в определении концепта: концепт, в понимании В. И. Карасика, – «это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация» [5].

Г. Г. Слышкин особое внимание обращает на то, что концепт не лежит ни в языковой, ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно. Концепт, как отмечает исследователь, – это ментальная единица, элемент сознания, которое играет роль посредника между культурой и языком: в сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. В сознании же происходит выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию. Исходя из этого, исследователь предлагает следующее определение концепта: «Концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [17, с. 9].

З. Д. Попова, И. А. Стернин, рассматривая концепт в рамках когнитивного подхода, определяют его как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного

знания». Упомянутые ученые отмечают, что язык – лишь один из способов формирования концептов в сознании человека. Все языковые средства выражения концепта зафиксировать невозможно [5].

Л. О. Чернейко отстаивает лингвистический подход к пониманию концепта, полагая, что концепты – сложные по своей семантико-аксиологической природе ключевые слова культуры и отдельной личности, эти слова суть абстрактные существительные. То есть концепт, по мнению ученого, – это способ моделирования сложного содержания абстрактных существительных и, как следствие, способ представления стоящих за ними сущностей (см., например, [22–21] и др.).

Л. В. Балашова указывает, что концепт обладает определенной памятью, избирательно воплощается не только в определенных языковых единицах, но и когнитивных моделях на протяжении длительного периода развития языка (разрядка наша – М. В., О. В., Л. Л.) [1, с. 197]. То есть концепт может представлять собой определенную когнитивную модель, структуру. Этот аспект отображен в определении концепта Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, по мнению которых, концепт – «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [20, с. 39]. Мы придерживаемся данного определения.

А. Вежицкая выделяет концепты, отражающие особенности национальной культуры (*душа, судьба, тоска* для русской). В. И. Карасик отмечает, что «с позиций языковой личности правомерно говорить о том, что «существуют индивидуальные культурные концепты, а их система образует концептосферу этой языковой личности» [5]. Г. Г. Слышкин, подразделяя концепты на индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (например, социальные), национальные, цивилизационные и общечеловеческие, справедливо замечает, что «индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Производная эта образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений [17, с. 14–15].

Структурируют концепты единицы ментального языка: сценарий – «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития», *гештальт* – «целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [14, с. 74].

Говоря о лингвистическом тексте, исследователь С. Д. Зливко указывает, что идиостилевые

особенности образного компонента складываются из двух параметров: а) количественного; б) качественного [2]. С помощью сплошной выборки и статистического анализа нами выявлены некоторые ключевые концепты языковой художественной картины мира В. С. Маканина – *слово* и *душа*. Рассмотрим особенности их функционирования на фоне русской общенациональной языковой картины мира.

О важной роли слова для русской языковой картины мира говорит Степанов: этим концептом организуется трехфазовая модель действия «слышать – слышать – слыть» [18, с. 247]. В жизни В. С. Маканина слово также имеет большое значение. Ср.: *Сначала было Слово, разве нет, Веня?* [8, с. 141]. Часто слово имеет в его творчестве предметное представление: *чтобы споткнуться и даже ушибиться о слово* [8, с. 141]; *они зазывали, чтобы подвернувшись словом не ударить друг друга слишком больно – слишком хлестко и резко* [10, с. 80]; *каменное слово* [10, с. 53]; *прикрывая сколько-то меня, майора, генеральским словом и иммунитетом* [9, с. 245]. Слово может иметь форму, преимущественно острую: *бритвенно-острое слово* [8, с. 168]; а также слово представляется чем-то вроде тяжелой ноши: *слова оказались для моего соседа непосильными* [10, с. 44].

Развивая узуальную метафору живого слова, В. С. Маканин приписывает ему человеческие действия: *и тогда слова, как солдаты, перешли границу...* [10, с. 29]; *и мои слова, что ей в ответ, тоже загнулись* [10, с. 51]; *слово впрочем – оно так и заплясало у меня перед глазами.* [10, с. 53]; *оттуда выпрыгивали слова...* [9, с. 61]; а также черты характера: *дружески-льстивых словах* [9, с. 49]; *когда-нибудь эти изгнанные слова сбудутся* [11, с. 415]; *вялость слов* [11, с. 407].

Кроме того, у писателя можно наблюдать ряд вещественных представлений слова, закрепленных в языке (ср.: *глотать слова*): *она захлебнулась словами;* [9, с. 64]; *слова посыпались из нее горохом...* [9, с. 213]; *Вовка сыплет словами* [11, с. 413].

Слово у В. С. Маканина также описывается как некое вместилище, емкость, что распространено в языке (ср.: *вложить в свои слова*): *пряча в привычные (в советские) слова смущавшее его чувство* [11, с. 427].

Душа – особо значимое понятие для русской культуры и русского сознания. По А. Вежицкой, для русского языка душа – специфический культурный концепт. Словосочетание «русская душа» стало интернациональной идиомой. Статистические данные показывают, что для В. С. Маканина этот концепт имеет большую важность.

Ярко представлена у писателя языковая модель ДУША КАК ЧЕЛОВЕК, предполагающая подстановочное значение души (ср.: *ни души = никого, ни одного человека, душа радуется*): *наши души сварливо перекрикиваются* [9, с. 81]; *Ната*

бы дула в свою флейту, и моя бы душа потихоньку дула в свою [8, с. 435]; душа спохватывалась и нет-нет подвывала – как больная [8, с. 396]; властной души [8, с. 99]; в пугливой душе [8, с. 163]; воинственные души [9, с. 81]; справедливую душу [9, с. 400]; наших торопливых душ [8, с. 89]; душа взволновалась [9, с. 45]; душа живет [8]; душа притихла [9, с. 203].

Когнитивная модель ДУША КАК ВМЕСТИЛИЩЕ (чувств, переживаний, мыслей) – одна из наиболее распространенных в русском языке (ср.: затаить в душе, войти в душу, лезть в душу, копаться в душе). Представлена она и у В. С. Маканина: песню, которую когда-то **вознала мне в душу** покойная мать [8, с. 20]; картинка для **прямой интервенции в душу** слушателя [8, с. 11]. Душа предстает как помещение: где самые **темные углы души** [8, с. 349].

ДУША в языке также представлена КАК ПРЕДМЕТ (ср.: вынуть душу, вытряхнуть душу, широкая, высокая, глубокая, мелкая душа). В рамках этой модели душа у В. С. Маканина имеет цвет, размер, слои: **разноцветные души** чеченцев [9, с. 81]; **маленькая, увы, душа** [8, с. 176]; в одном **слое души** [8, с. 246].

У В. С. Маканина находит свое отражение и традиционное представление русского человека об отделении души от тела после смерти и вознесении ее на небеса: **души, взлетающие на небо** [9, с. 81]; **обе души бойцов вместе взмыли в небо** [9, с. 276].

Распространенная в языке модель ДУША КАК ФИЗИЧЕСКИЙ ОРГАН (ЧАСТЬ ТЕЛА) (ср.: душа болит, на душе мутит) также реализуется у В. С. Маканина: **душу царапнуть** [8, с. 191].

Обратимся к концепту *время* у В. Е. Максимова (на примере двух романов – «Семь дней творения» и «Заглянуть в бездну»). Данный концепт получает весьма разнообразное выражение у писателя.

Время у писателя представляется как живое существо: *После хмельной суматохи молодости к нему вдруг пришло возрастное похмелье, и Вадим увидел себя со стороны тем, чем он и был на самом деле* [13]. Это существо у В. Е. Максимова производит определенные действия: *Обретая действительность, Петр Васильевич внимательно вглядывался в знакомые, **обмятые временем черты*** [13]; может чувствовать: *... увидеть **истлевающее в муках прошлое** и обратиться в соляной столп – это, наверно, выше сил человеческих* [12]; а также наделяется некоторыми качествами, присущими человеку: *...она мысленно восстанавливала его облик, растворенный было в **быстротекущем и транжиристом времени*** [12]. Таким образом, у автора воплощается общезыковая модель ВРЕМЯ КАК ЧЕЛОВЕК (ср. в языке: *время никого не щадит*).

ВРЕМЯ у В. Е. Максимова представляется также КАК ЛОШАДЬ: *я лишь продолжала существо-*

вать, плыть по течению без руля и ветрил туда, куда несло меня обезумевшее от крови время [12].

Время у писателя является предметом: *Дважды сквозь презрительный строй гусевского клана ... пары новобрачных пронесли свое будничное **сорокалетие**: туда – до регистрационного стола и обратно – к желанному выходу* [13]. Автор конкретизирует данный предмет и представляет ВРЕМЯ КАК ЦЕПЬ, которая может сомкнуться: *...без этого ей не под силу было бы связать концы и начала **сомкнувшейся отныне вокруг нее цепи времен и событий*** [12]. Сомкнувшись, время может остановиться: *Эта история тянулась за ней, как нитка за иголкой, через Иркутский централ, Бутырки ... в этот московский двор на городской окраине, где время замкнуло вокруг нее свой заколдованный круг. **И окончательно остановилось*** [12]. Встречается также и другая конкретизация данного концепта – ВРЕМЯ как МЕХАНИЗМ: *...им казалось, что **наконец-то наступил для них тот самый звездный час, когда, будучи едва произнесенной, любая их фраза уже вчеканивается временем в нерукотворные письма истории*** [12].

ВРЕМЯ отождествляется с другим абстрактным понятием – ТИШИНОЙ: *Внезапно возникшую **тишину мерно отсчитывали ходики над комодом*** [13].

Послереволюционное время В. Е. Максимова именуется *полувременем*, подчеркивая с помощью данной лексемы состояние упадка этого периода: *Бездна разверзлась, отделив время от **полвремени**, за самый краешек которого уцепилась, исподволь обрастая гнилостной плесенью быта, какая-то невиданная еще и не понятная никому явь* [12] (описание периода перед Февральской революцией).

Свое отношение ко времени автор вкладывает в уста героев:

– *Говорится в Писании: Господь создал человека в один день. Только ведь это был не один земной день, а одна земная вечность... А мы с вами возомнили за двадцать **быстротекущих смертных лет** содеять то же самое* [13].

Таким образом, применяя различные виды нестандартной сочетаемости языковых единиц, писатели создают индивидуальные когнитивные модели, структурирующие концепты. Отчасти эти модели совпадают с общезыковыми. В ряду центральных концептов творчества В. С. Маканина выделяются *слово*, которому в большинстве случаев автор приписывает человеческие действия и которое часто предстает как предмет, и *душа*, концептуализируемая писателем как человек. Одним из ярко представленных концептов языковой личности В. Е. Максимова является *время*. Помимо распространенной в языке модели *время* как человек, по-

лучают воплощение и другие модели: *время* как лошадь, цепь, механизм и тишина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.). Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1998. 216 с.
2. Зливко С. Д. Идиостилевая характеристика образного компонента научных лингвистических текстов (на мат-ле работ известных русских языковедов) // Вестник Чувашского университета, 2007. №3.
3. Зыкова И. В. О Личности: лингвокультурологические заметки // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 32–47.
4. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М: Гнозис, 2015. 384 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Концепт и культура: сборник статей (VI Междунар. научная конф, Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.). Кемерово – Ялта, 2016. 638 с.
7. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка или коммуникативная практика. 2013. №1. С. 122–130.
8. Маканин В. С. (а) Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Эксмо, 2010. 736 с.
9. Маканин В. С. (б) Асан. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
10. Маканин В. С. Испуг. М.: Гелеос, 2006. 416 с.
11. Маканин В. С. Кавказский пленный: сборник. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
12. Максимов В. Е. Звезда адмирала Колчака (Заглянуть в бездну). М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 320 с.
13. Максимов В.Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Семь дней творения. М.: ТЕРРА, 1991. 512 с.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: изд-во «Истоки», 2001. 192 с.
15. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1998. С. 8–69.
16. Серебренников Б. А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1998. С. 3–7.
17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
18. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
19. Уфимцева Н. В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.
20. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального анализа // Вестник Московского государственного университета: Филология. 1996. №6. С. 20–41.
21. Чернейко Л. О. Лингвистическая полифония. Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007. С. 150–183.
22. Чернейко Л. О. Текст. Структура и семантика: доклады XII междунар. конф. Т. 1. М., 2009. С. 162–175.

Поступила в редакцию 08.09.2018 г.

THE PECULIARITIES OF THE CONCEPT SYSTEMS OF THE MODERN WRITERS (BASED ON TEXTS WRITTEN BY V. S. MAKANIN AND V. E. MAXIMOV)

© M. N. Vasilyeva, O. N. Vasilyeva*, L. A. Linnik

*Bashkir State Medical University
3 Lenin Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 272 86 51.

*Email: plomien@mail.ru

The authors of the article analyze the peculiarities of the concept systems of the modern writers V. S. Makanin and V. E. Maximov. The object of the study is specificity of the main concepts of the word view of linguistic personalities of these authors. The purpose of the work is establishment of the peculiarities of the key concepts of the texts written by V. S. Makanin and V. E. Maximov. The methodological basis of this article is anthropocentric approach. The authors of the article applied the following methods: contextual analysis, the descriptive method, the method of continuous sampling, the statistical method. The individual cognitive models that reflect concepts and formed by non-standard collocations partly coincide with models existing in the language of V. S. Makanin's texts. The authors considers the concept *word*, which in V. S. Makanin's text represents human actions (frequently in the form of an object), and the concept *soul*, representing a human. The bright concept of *time* in terms of the linguistic personality of V. E. Maximov is represented as a human, horse, chain, mechanism, and silence. The practical significance of the article is that its results can be used in university teaching: in educational courses of text linguistics, philological analysis of text, stylistics, and interpretation of literary text.

Keywords: V. S. Makanin, V. E. Maximov, concept, cognitive models of concepts, worldview, linguistic personality.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Metafora v diakhronii (na materiale russkogo yazyka XI–XX vv.) [A metaphor in diachrony (based on material of the Russian language of the 11th–20th centuries)]. Saratov: izd-vo Sarat. un-ta, 1998.
2. Zlivko S. D. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2007. No. 3.
3. Zykova I. V. Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya. Sb. statei. Moscow: MAKS Press, 2013. No. 46. Pp. 32–47.
4. Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. M: Gnozis, 2015.
5. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.
6. Kontsept i kul'tura: sbornik statei. VI Mezhdunar. nauchnaya konf, Kemerovo – Yalta, 25–27 sentyabrya 2016 g. Kemerovo – Yalta, 2016.
7. Krasnykh V. V. Ekologiya yazyka ili kommunikativnaya praktika. 2013. No. 1. Pp. 122–130.
8. Makanin V. S. (a) Andegraund, ili Geroi nashego vremeni [Underground, or a Hero of our time]. Moscow: Eksmo, 2010.
9. Makanin V. S. (b) Asan [Asan]. Moscow: Eksmo, 2010.
10. Makanin V. S. Ispug [Fright]. Moscow: Geleos, 2006.
11. Makanin V. S. Kavkazskii plennyi: sbornik [Caucasian captive: collected works]. Moscow: Eksmo, 2009.
12. Maksimov V. E. Zvezda admirala Kolchaka (Zaglyanut' v bezdnu) [Star of Admiral Kolchak (To look into the abyss)]. Moscow: Algoritm, Eksmo, 2008.
13. Maksimov V. E. Sobranie sochinenii: v 8 t. Vol. 2. Sem' dnei tvoreniya [Collected works: in 8 volumes. Vol. 2. Seven days of creation]. Moscow: TERRA, 1991.
14. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: izd-vo «Istoki», 2001.
15. Postovalova V. I. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. Moscow: Nauka, 1998. Pp. 8–69.
16. Serebrennikov B. A. Predislovie. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. Moscow: Nauka, 1998. Pp. 3–7.
17. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov [Linguocultural concepts of precedent texts]. Moscow: Academia, 2000.
18. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture. Research data]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1997.
19. Ufimtseva N. V. Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya. Sb. statei. Moscow: MAKS Press, 2013. No. 46. Pp. 122–127.
20. Chernoiko L. O., Dolinskii V. A. Vestnik Moskovskogo gosuniversiteta: Filologiya. 1996. No. 6. Pp. 20–41.
21. Chernoiko L. O. Lingvisticheskaya polifoniya. [Linguistic polyphony]. Moscow, 2007. Pp. 150–183.
22. Chernoiko L. O. Tekst. Struktura i semantika: doklady KhII mezhd. konf. Vol. 1. Moscow, 2009. Pp. 162–175.

Received 08.09.2018.